

Глава 17

«Девятый дядя, мне уже можно вернуться в офис?»

Приличия ради стоило хотя бы попытаться. Гу Сю отправил сообщение, вежливо уточняя, может ли он приступить к работе — жест, призванный продемонстрировать его внезапно проснувшееся рвение.

Хорошие новости не заставили себя ждать.

Лу Шичэнь: «Езжай пока домой».

Гу Сю ликовал. Он не преминул мысленно подразнить Систему:

«Ну что я говорил?!»

007 мгновенно сменила гнев на милость, подобострастно поддакивая:

«Цзюцзю! Я всегда знала, что ты лучший!»

Человек и Система, согретые ласковым зимним солнцем, наслаждались неожиданным выходным. По пути домой Гу Сю прихватил пакетик горячего жареного арахиса.

Лу Шичэнь вернулся только к восьми вечера. Но даже дома он не оставил племянника в покое, позвав бездельничающего Гу Сю в гостиную.

— Гу Сю, — голос мужчины звучал непривычно сурово. Он сидел на диване, скрестив длинные ноги; взгляд за стеклами очков был острым и пронзительным. — Ты понимаешь, почему я настоял на том, чтобы ты стал моим ассистентом?

Ответ «Чтобы поиздеваться надо мной» едва не сорвался с губ юноши. Гу Сю вовремя спохватился и сглотнул:

— И почему же?

Лу Шичэнь одарил его взглядом, полным разочарования — так смотрят на безнадежно испорченную вещь.

— Я твой начальник. Я задаю вопрос, а ты переадресовываешь его мне?

Гу Сю лишь обезоруживающе улыбнулся, сохраняя свой обычный беспечный вид:

— Но дома-то вы — мой Девятый дядя.

Веки Лу Шичэня дрогнули. Он отпил воды из стакана, собираясь с мыслями, и наконец произнес:

— Ты не сможешь всю жизнь проедать наследство. Рано или поздно оно закончится. Тебе нужно овладеть навыком, который не даст тебе умереть с голоду, что бы ни случилось...

007 недоуменно пискнула:

«А я-то думала, главный герой просто хочет тебя замучить».

Гу Сю и сам был озадачен. В новелле не упоминалось, чтобы у Лу Шичэня были подобные намерения относительно оригинального владельца тела. Казалось, он присматривал за племянником лишь из чувства долга перед кузеном, следя, чтобы тот не закончил свои дни где-нибудь в сточной канаве.

Наследство родителей Гу Сю было внушительным — его хватило бы на безбедную жизнь до глубокой старости. В крайнем случае, всегда оставался Девятый дядя, крохотной доли богатств которого хватило бы Гу Сю на икру и шампанское.

Взвесив всё, Гу Сю резонно заметил Системе:

«Это просто предлог. В конечном итоге он всё равно хочет меня помучить».

Лу Шичэнь, видя это отсутствующее выражение лица, сразу понял: Гу Сю снова витает в облаках. Юноша не оценил его заботы и не осознал глубины его слов.

Если быть честным с самим собой, Лу Шичэнь признавал: его порывы не были бескорыстными. Желай он просто обучить Гу Сю, он мог бы поручить его заботам любого подчиненного, заставив начинать с самых низов. Там база была бы тверже, а уроки — доходчивее.

Трудно было отрицать, что им двигало некое труднообъяснимое, темное желание.

Он хотел запереть Гу Сю рядом с собой.

— Просто посиди и подумай над этим. Как надумаешь — скажешь, — Лу Шичэнь помрачнел и взял телефон. — Мне нужно ответить по работе.

— О-о...

В следующее мгновение телефон в кармане Гу Сю завибрировал.

Юноша нахмурился, но в следующую секунду его зрачки сузились.

A7993344: «На месте? Покажи фото».

A7993344: «Хочу увидеть твой кадык в каплях воды после умывания».

A7993344: «Придешь в течение пяти минут — получишь пятьдесят тысяч».

Гу Сю: «!»

Пять минут. Пятьдесят тысяч.

Это сообщение пришло как нельзя вовремя.

Он тут же метнул взгляд на Лу Шичэня, сидевшего с крайне серьезным видом. Перед соблазном легких денег остатки его и без того призрачного почтения к дяде мгновенно испарились.

Лу Шичэнь первым заметил перемену в его лице.

— Что-то случилось?

— Девятый дядя, я отойду в ванную! — выпалил Гу Сю и пулей умчался, бросив оправдание, которое звучало так, будто его только что выудили из мусорного бака.

Лу Шичэнь промолчал.

Рука, сжимавшая смартфон, напряглась так, что на тыльной стороне ладони отчетливо проступили синие вены.

Гу Сю заперся в ванной, осторожно провернув замок.

A7993344: «Осталось четыре минуты».

«Он еще и обратный отсчет ведет!»

Благо, просьба была не самой предосудительной. Гу Сю поспешно открыл кран и принялся брызгать водой на шею. Ворот белой домашней футболки не избежал печальной участи, намокнув и потемнев. Схватив телефон, юноша сделал несколько снимков.

Прозрачные капли застыли на его четко очерченной челюсти, а те, что не удержались, скользили вниз по горлу к вороту. В теплом свете ламп они преломляли лучи, извиваясь на белой коже шеи, перекатывались через ключицы и замирали на крошечной светло-коричневой родинке.

Из-за спешки — ведь он бежал сюда, а потом в суматохе умывался — его дыхание было прерывистым. На фотографиях это отразилось легкой белесой дымкой, создавая естественный эффект «мягкого фокуса».

Мокрая ткань футболки плотно прилипла к груди, подчеркивая линию ключиц и оставляя намек на очертания тела под ней — едва заметный, дразнящий розовый оттенок кожи.

«Босс», любовавшийся этими снимками в ночной тишине, был тем же самым «боссом», который днем руководил Гу Сю в офисе. Холодный, властный, безусловно сдержанный.

Но сейчас, глядя на фотографии племянника, находившегося буквально за стеной, Лу Шичэнь чувствовал, как его грудь тяжело вздымается. Понадобились остатки всей его железной воли, чтобы выровнять дыхание.

Гугуцзю: «Пойдет, босс?»

Лу Шичэнь пришел в себя и, не раздумывая, перевел пятьдесят тысяч юаней.

Гугуцзю: «Спасибо, босс! □»

На этом всё и закончилось.

«И никакой доплаты на этот раз?» — Лу Шичэнь ждал. Ждал долго.

Уже собираясь ложиться, Гу Сю вдруг вспомнил о незаконченном разговоре с дядей и постучал в его дверь. Он уже переоделся в сухую и чистую пижаму — классическую, рубашечного покроя, застегнутую на все пуговицы до самого горла.

— Тот разговор, Девятый дядя...

Черты лица Гу Сю обычно казались резкими и холодными, но стоило ему улыбнуться, как образ разительно менялся. В тишине ночи его манера общения казалась мягкой и теплой, как отполированный нефрит. Он редко бывал столь искренен.

— Девятый дядя, я знаю, что вы хотите как лучше. Я буду стараться на работе. Но вы же видите — я ничего не умею. Если я где-то напортачу, не судите строго... А если совсем не справлюсь, просто найдите профессионального помощника.

Словно сбросив гору с плеч, он лучезарно улыбнулся и, уже закрывая дверь, добавил:

— Спокойной ночи, Девятый дядя!

— ...

Лу Шичэнь не успел вымолвить ни слова — юноша уже исчез в коридоре.

Легкие пятьдесят тысяч приятно грели душу. Гу Сю, вполне довольный собой, приготовился ко сну.

Вж-ж-ж!

Телефон снова ожил.

A7993344: «Сними футболку и сфотографируйся. Дам сто тысяч».

В этот самый момент Гу Сю как раз стягивал одежду. Сообщение всплыло на экране так вовремя, будто за ним наблюдала пара невидимых глаз. Кожу на затылке стянуло от дурного предчувствия, а по обнаженной спине пробежал холодок.

Он привык спать налегке, в чем мать родила — так спалось крепче. Учитывая, что он жил в чужом доме под присмотром Системы, штаны всё же оставались на нем.

Юноша потер гладкие плечи и подобрал телефон, упавший на кровать.

Тут же пришло новое сообщение.

A7993344: «Снимешь?»

— ...

Гу Сю замер.

007 прикинулась ветошью. Он мысленно ткнул щупальцем духовной силы в серебристый шарик, забившийся в угол сознания:

«Тебе не кажется, что он какой-то извращенец?»

«Э-э... — Система нехотя выплыла на свет. Будучи программным кодом, она понимала в человеческих отношениях еще меньше Гу Сю и могла опираться только на сухие факты. — Цзюцзю, ты же парень. Сфотографироваться без футболки — невелика беда. К тому же, это просто аноним из интернета. Он не знает, кто ты, не видел твоего лица...»

Гу Сю подумал, что в этом есть смысл.

Но его интуиция была острой, как бритва. Чем больше он размышлял, тем страннее казалась ситуация; каждый нерв в его теле вопил о протесте.

А уж эта Система-предательница... даже ругать её не было сил.

«Ты ведь Система из мира "Цзиньцзян", верно? Где твоя профессиональная этика? Где твоя мораль? — нравоучительно произнес Гу Сю. — Тьфу, ну и беспринципная же ты особа».

«...Да потому что я — Система гунов-сволочей из «крематориев»! И ты — такой же гун! Мы друг друга стоим! — 007 так раздулась от возмущения, что стала в два раза больше. За время жизни с Гу Сю она поднаторела в спорах, насмотревшись роликов в сети, и теперь яростно парировала: — Какая мораль, какое достоинство?! Адрес, явки, пароли... Ты — гун-сволочь! И свои контакты ты сам же ему и слил!»

Гу Сю не нашелся с ответом.

Поколебавшись еще немного, он нырнул под одеяло.

«Ладно, проехали. Всё равно я считаю, что это перебор».

Но упущенные сто тысяч, которые проплыли мимо самого носа, лишили его сна. Юноша ворочался с боку на бок и тяжело вздыхал.

То, что «Гугуцзю» не продал свои принципы за сто тысяч, должно было бы порадовать заботливого дядю.

Но Лу Шичэнь, не сводя глаз с экрана замолчавшего телефона, места себе не находил от беспокойства. В конце концов, какая-то неведомая сила заставила его подняться с места.

Придя в себя, он обнаружил, что стоит перед дверью племянника.

Пусть Гу Сю и сохранил остатки совести, его поведение всё равно можно было назвать вопиющим, деструктивным и аморальным. Если потакать ему и дальше, он может зайти слишком далеко, и тогда будет поздно.

Люди учатся только на своих ошибках.

И Лу Шичэнь решил преподать ему урок.

И неважно, что на дворе стояла глухая ночь.

Дверь была не заперта. Гу Сю любил поспать подольше, так что каждое утро дяде Туну приходилось лично «выманивать» его из постели.

Лу Шичэнь впервые за всё это время переступил порог его комнаты.

Мужчина бесшумно вошел в темную спальню.

Свет был выключен. Лунный свет, пробиваясь сквозь тонкую занавеску, падал на мягкую кровать, окутывая спящего юношу серебристой дымкой.

В темноте серые глаза мужчины потемнели, впитывая этот свет.

В комнате было натоплено, жара стояла невыносимая. Одеяло было тяжелым, и Гу Сю, видимо, разомлев, обнял подушку и спал на животе, выставив из-под одеяла руки и обнаженную спину.

Край одеяла соскользнул к ямочкам на пояснице, едва скрывая то, что было ниже.

Лу Шичэнь замер.

Затем нахмурился.

Гу Сю спит без одежды?

И каждое утро дядя Тун заходит его будить?

Столько дней прошло, а он и понятия об этом не имел...

— Почему ты спишь на животе?

Гу Сю только-только провалился в сон. Услышав над самым ухом ледяной шепот своего босса, он подскочил как ошпаренный. Черные волосы после сна торчали во все стороны, в глазах еще стоял туман. Он непонимающе уставился на незваного гостя.

От резкого движения одеяло окончательно сползло, открывая вид на его ноги.

К счастью или к несчастью, ноги были целомудренно облачены в пижамные штаны.

Правда, пояс соскользнул к самым тазовым косточкам и держался на честном слове.

Лу Шичэнь сглотнул.

Лишь спустя долгую паузу он выдал из себя низкое, хриплое:

— Не спи на животе. Это вредно.

— ...?

Гу Сю молча кивнул.

А внутри него бушевал ураган:

«А-а-а! Как же я ненавижу этих гунов отцовского типа!»

У 007 тоже проснулось подобие человеческого раздражения:

«А-а-а... И ради ЭТОГО ты меня разбудил?!»

Гу Сю: «...»

Потрясающе. Он и не знал, что программному коду тоже требуется сон.

Лу Шичэнь пришел среди ночи только ради этой фразы.

Странно пришел — странно ушел.

Гу Сю недоуменно нахмурился, но тут же расслабился. Пробормотав что-то себе под нос, он натянул одеяло и послушно улегся на спину, уставившись в потолок.

Пока Гу Сю безмятежно засыпал, Лу Шичэнь, покинувший комнату на остатках самообладания, чувствовал, как внутри него всё клокочет.

Выйдя в коридор, он опустил взгляд вниз. Свет потолочного светильника четко обрисовал изменения под тонкой тканью домашних брюк.

Он глубоко вдохнул и, стараясь сохранять невозмутимый вид, размеренным шагом вернулся к себе.

Едва дверь за ним закрылась, он прижался к ней спиной, чувствуя, как по позвоночнику стекает холодный пот.

Перед глазами всё еще стояла картина: племянник, спящий на кровати. Тело отказывалось повиноваться рассудку.

— ...Проклятье.

Он не сдержал тихого ругательства в свой адрес.

Но человек, считавший себя образцом самодисциплины, быстро сдался перед лицом этого опьяняющего чувства.

Он достал телефон, открыл присланные сегодня снимки и, не мигая, уставился на них расширенными серыми глазами.

За все свои двадцать восемь лет он впервые познал это чувство — аморальное, запретное, сокрушительное.

Наконец, все призрачные фантазии рассеялись, оставив на стеклах очков влажную дымку.

Он снял очки, откинув со лба влажные волосы.

Глядя на недосягаемого человека на фото и на свою пустую ладонь, он ощутил лишь грызущую пустоту.